

С.В. Ешевский

Сочинения по русской истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С.В. Ешевский**
Сочинения по русской истории / С.В. Ешевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 494 с.

ISBN 978-5-4241-5605-2

Сочинения по русской истории

ISBN 978-5-4241-5605-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ предлагаемомъ томѣ собраны статьи С. В. Ешевскаго по русской исторіи.

Ешевскій извѣстенъ, какъ профессоръ всеобщей исторіи, ученикъ и преемникъ Грановскаго и Кудрявцева, какъ даровитый представитель ихъ кафедръ, авторъ спеціальныхъ изслѣдованій и статей по среднимъ вѣкамъ. Но на ряду съ этимъ Ешевскій былъ также специалистъ и по русской исторіи; раньше, чѣмъ онъ былъ приглашенъ въ Московскій университетъ по смерти Грановскаго, онъ былъ профессоромъ русской исторіи въ Казани; въ то время и позднѣе, въ Москвѣ, занявъ уже кафедру всеобщей исторіи, онъ работалъ надъ различными вопросами русской исторіи,—въ началѣ въ связи съ читанными имъ курсами, затѣмъ для журнальныхъ статей. И хотя русская исторія являлась не главною, второю спеціальностью Ешевскаго, его немногочисленныя и отчасти недоконченныя работы въ этой области отличаются тѣми же крупными достоинствами, какъ и его работы по всеобщей исторіи, онъ имѣли научное значеніе и литературный интересъ для своего времени, не утратили ихъ и въ наши дни.

Когда нѣкоторыя статьи Ешевскаго по русской исторіи печатались уже по его кончинѣ, лѣтъ черезъ десять послѣ того времени, какъ онъ были написаны, издатели считали необходимымъ дѣлать оговорки, указывали, что статьи эти еще не устарѣли, что, несмотря на протекшее уже тогда десятилѣтіе со времени ихъ составленія, онъ содержатъ цѣнныя указанія и пр. Эти оговорки объясняются отчасти тѣмъ, что извѣстность Ешевскаго, какъ профессора всеобщей исторіи, заслоняла то, что и по русской исторіи онъ былъ также специалистъ; но еще болѣе эти оговорки зависѣли отъ увѣренности въ быстромъ ростѣ русской исторической науки. Но вотъ, скоро уже минетъ тридцать пять лѣтъ со смерти Ешевскаго, уже болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ была написана имъ большая часть его статей по русской исторіи*), но и теперь статьи эти сохраняютъ свой интересъ, свое значеніе, и перепечатка ихъ вовсе не требуетъ оправданій, многихъ оговорокъ, серіозныхъ поправокъ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ приводитъ отзывъ самого Ешевскаго,

---

*) Только одна статья относится къ шестидесятымъ годамъ, одна къ сороковымъ, остальныя писаны въ пятидесятыхъ годахъ.

который смотрѣлъ на свои труды, какъ на „буть“ подъ зданіе образованія родной страны; но въ этихъ словахъ выразилась только скромность ученаго и его беззаветная преданность дѣлу просвѣщенія. Конечно, труды Ешевскаго по русской исторіи не внесли въ науку новыхъ началъ и обширныхъ запасовъ неизвѣстнаго матеріала, не образовали особой школы, но если ужъ брать сравненіе изъ области архитектуры, мы должны бы говорить здѣсь не о бутѣ, а о фундаментѣ: Ешевскій, несомнѣнно, въ своихъ немногочисленныхъ статьяхъ по русской исторіи выдвинулъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, намѣтилъ основы необходимаго изслѣдованія, и его статьи могутъ быть поставлены въ связь съ нѣкоторыми крупными работами послѣдующихъ десятилѣтій.

Ниже, въ „библиографическихъ примѣчаніяхъ“ даны краткія указанія на отношеніе статей Ешевскаго къ послѣдующей исторической литературѣ, здѣсь же сдѣлаемъ общую характеристику трудовъ его по русской исторіи. По отношенію къ фактическимъ даннымъ они не устарѣли: правда, съ тѣхъ поръ напечатано очень много разнообразныхъ матеріаловъ, но они не опровергаютъ, а лишь дополняютъ, распространяютъ сказанное у Ешевскаго, изслѣдованія котораго не требуютъ въ общемъ исправленія; если бы и теперь изслѣдователь поставилъ себѣ ту или иную изъ темъ Ешевскаго для подобнаго же популярнаго изложенія, какими задавался покойный профессоръ, онъ могъ бы ограничиться почти тѣмъ же основнымъ матеріаломъ, какимъ пользовался Ешевскій. Еще менѣе, конечно, устарѣли труды Ешевскаго по отношенію къ постановкѣ и способу изслѣдованія: статьи его по русской исторіи проникнуты тѣмъ научнымъ методомъ, тѣмъ живымъ историческимъ пониманіемъ, какіе отличаютъ вообще все его произведенія. Наконецъ, вполне нестарѣющія достоинства статей Ешевскаго заключаются въ талантливости изложенія, въ жизненности картинъ и характеристикъ,—достоинства, далеко не частыя въ нашей исторической литературѣ.

Статьи Ешевскаго по русской исторіи живо отражаютъ даровитую личность ученаго изслѣдователя и профессора, неразрывно связавшаго память о своей недолгой жизни съ историческою каведрой двухъ университетовъ.

Въ настоящемъ изданіи помѣщены четыре статьи, не вошедшія въ собраніе „Сочиненій С. В. Ешевскаго“, изданное въ 1870 г., а также перепечатанъ отрывокъ изъ его воспоминаній. О рукописяхъ Ешевскаго, которыми пользовалось настоящее изданіе, сказано въ „библиографическихъ примѣчаніяхъ“.

В. Якушкинъ.

Ярославль
15 ноября 1899 г.

СОЧИНЕНИЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО

ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЕШЕВСКІЙ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Степанъ Васильевичъ Ешевскій родился 2-го февраля 1829 г. Онъ былъ сынъ кологривскаго (Костромской губерніи) помѣщика Василя Ивановича и жены его Александры Васильевны, урожденной Перфильевой. Первое дѣтство его прошло частью въ деревнѣ, частью въ уѣздномъ городѣ. Росъ онъ больнымъ; по его собственному свидѣтельству, въ одномъ изъ писемъ изъ-за границы, онъ былъ до пяти лѣтъ безъ ногъ и безъ языка. Прѣвзжій медикъ, остановившійся въ Кологривѣ по дорогѣ въ Сибирь, помогъ ему. Съ болѣзненною нервною мальчикъ соединялъ живость характера и способность къ ученію. Въ 1838 г. (скорѣе въ 1839 г.) онъ поступилъ въ костромскую гимназію, гдѣ былъ всегда изъ лучшихъ учениковъ. По его разсказу я знаю, что еще въ Костромѣ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (дѣло было въ VI классѣ), задумалъ составить на основаніи учебника и читаемыхъ книгъ (читать онъ любилъ всегда и въ эту пору читалъ по большей части путешествія) историческій словарь; въ основаніе этого словаря они клали азбучный указатель къ книгѣ Кайданова. Строгое наказаніе мальчика за дѣтскую шалость и намѣреніе Василя Ивановича перейти на службу въ Нижній побудили этого послѣдняго взять сына изъ костромской гимназіи. Чтобы не терять времени, мальчикъ ходилъ въ кологривское училище, гдѣ его помнитъ С. В. Максимовъ. Въ 1842 г. В. И. Ешевскій перешелъ на службу въ Нижній. Степанъ Васильевичъ, послѣ приготовленія у одного изъ учителей, въ началѣ учебнаго 1842—43 г. поступилъ въ нижегородскую гимназію. Живо помню, какъ осенью 1842 г. къ намъ въ III классъ въ урокъ латинскаго языка привели тщедушнаго, худого мальчика, котораго тутъ же и проэкзаменовалъ учитель. Мальчикъ этотъ былъ Ешевскій, и тогда уже поражавшій болѣзненнымъ видомъ. Онъ отвѣчалъ хорошо и поступилъ въ IV классъ, гдѣ хорошо учился и скоро сталъ первымъ въ своемъ классѣ. Съ этихъ поръ начинаются мои личные воспоминанія, хотя, впрочемъ, мы облизались болѣе въ то время, когда

Ешевскій былъ уже въ V классѣ. Первымъ поводомъ къ нашему знакомству были частныя уроки греческаго языка, которые мы втроемъ (Ешевскій, я и М. И. Ч. одноклассный съ Ешевскимъ) брали у нашего директора, бывшаго когда-то профессоромъ греческаго языка. Добрый, теперь уже покойный, М. Ф. Гр. былъ охотникъ учить по-гречески, училъ даромъ, но, къ сожалѣнiю, весьма неаккуратно и по своей грамматикѣ, безтолковой и скучной. Никто изъ учениковъ не выучился по-гречески ни у насъ въ гимназiи, ни въ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ. Ешевскій не составлялъ исключенiя въ этомъ случаѣ.

Гимназiя нижегородская съ пансиономъ, при ней открытымъ (пансионъ этотъ преобразованъ былъ въ институтъ только въ 1844—45 г.), считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведенiй въ казанскомъ округѣ. То время, о которомъ мы теперь говоримъ, было завершениемъ стараго періода его существованiя, послѣднимъ временемъ полнаго господства старой педагогiи. Съ открытiемъ института потребовался для двухъ заведенiй двойной комплектъ учителей, и потому прiѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани и изъ петербургскаго педагогическаго института; прiѣзжіе привезли съ собою новое обращенiе и новыя педагогическія приемы. Эту перемѣну ощутило на себѣ наше поколѣнiе. Когда мы поступили въ гимназiю, господствовала полная патрiархальность. Каждую субботу сѣкли лѣнныя, для чего директоръ являлся съ особою торжественностью въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ; учителя дрались въ классѣ, одинъ учитель математики (умершій лѣтъ около 30 тому назадъ) бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамеекъ къ доскѣ; другой учитель географiи и русскаго языка въ первомъ классѣ, замѣтивъ, что мальчикъ грызетъ ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣлу; онъ же заставлялъ двухъ виновныхъ учениковъ таскать другъ друга за волосы. Въ преподаванiи были тоже курьезы. Урокъ неизмѣнно задавался слѣдующимъ образомъ: учитель читалъ по книгѣ то, что надо выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что учитель пропускалъ въ чтенiи; если въ программѣ (составленной въ Казани) было что-нибудь не входившее въ учебникъ, тогда учитель доставалъ, откуда Богъ послалъ, недостающее. Самымъ блистательнымъ образчикомъ того, что бывало въ гимназiяхъ, служить одинъ изъ нашихъ учителей математики (тоже умершій теперь), который ни разу—я учился у него года четыре—ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ. Легко представить, каковы были успѣхи въ математикѣ! Ломоносовское раздѣленiе слога на высокій, средній и низкій, источники изобрѣтенiя и хриіи господствовали въ той теорiи словесности, которая преподавалась намъ по Кошанскому. Между учителями той эпохи были, впрочемъ, и очень порядочныя. Такимъ былъ учитель латинскаго языка Е. Т. Лѣтницкій (у котораго, впрочемъ, Ешевскій учился мало), доводившій учениковъ до V-го

класса. Постоянное вниманіе, постоянное повтореніе стараго, педантическое требованіе точности въ отвѣтахъ и упражненіяхъ были очень полезны для учениковъ; полное знаніе того круга предметовъ, въ которыхъ вращалось преподаваніе, умѣніе отвѣтить на всѣ вопросы учениковъ, такгь, съ которымъ держалъ себя учитель,—все вкушало къ нему уваженіе и ставило его выше насмѣшекъ. Самымъ лучшимъ учителемъ того времени былъ П. И. Мельниковъ, у котораго Ешевскій учился съ IV класса до окончанія курса. П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ: рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ; но по неопытности требовалъ слишкомъ многого съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ „Литературной Газетѣ“), персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладилъ его: онъ впалъ въ рутину; но, если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я.

Въ 1844 г. открылся институтъ. Я, бывший пансіонеромъ, перешелъ въ это новое заведеніе, и на годъ мы разстались съ Ешевскимъ; но въ этотъ годъ мы часто видались по праздникамъ и въ вакаціи; то онъ заходилъ ко мнѣ, то я къ нему. Тогда мы показывали другъ другу свои первые литературные опыты: Ешевскій писалъ стихи, я больше прозу. Ешевскій былъ строгимъ критикомъ этихъ опытовъ и, по правдѣ, очень справедливымъ. Стихи Ешевскаго были очень гладки, хотя и не показывали особаго поэтическаго дарованія. Черезъ годъ на одной изъ тѣхъ литературныхъ бесѣдъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, Ешевскій читалъ свои стихи, между прочимъ одно стихотвореніе „Къ звѣздѣ“. Директоръ гимназіи (не тотъ, о которомъ говорилось выше, а другой) замѣтилъ: „Надѣюсь, что ваша звѣзда не съ волосами“ (т.-е. что стихотвореніе писано не къ женщицѣ): такъ ревниво охраняли тогда насъ даже отъ свѣжаго юношескаго чувства, которое придаетъ полную прелесть воспоминанію молодыхъ лѣтъ. Тогда же Ешевскій познакомилъ меня съ ихъ новымъ учителемъ словесности. Этотъ учитель былъ человѣкъ безспорно даровитый и намъ послѣ стараго преподаванія словесности казался чѣмъ-то особеннымъ. Какъ учитель, онъ былъ хорошъ тѣмъ, что требовалъ тщательной обработки слога и изученія образцовыхъ писателей; въ его воззрѣніяхъ на литературу было много своеобразнаго, но далеко не всегда

правильнаго; къ тому же, кромѣ знанія словесности русской и отчасти французской, онъ не обладалъ никакими знаніями; даже Байрона, которому онъ поклонялся, можетъ быть, иногда и чрезмѣрно, онъ зналъ по французскому переводу. Ешевскій имѣлъ съ нимъ въ послѣдствіи столкновеніе, которое показываетъ, какъ рано развились въ немъ требованія, гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ требованія самого учителя: онъ писалъ сочиненіе о Фритіофѣ и занялся отыскиваніемъ въ доступныхъ ему книгахъ свѣдѣній о норманахъ и ихъ жизни, а учитель желалъ опредѣленія отношеній Тегнеровой поэмы къ теоріи и гладкаго изложенія. Ешевскій кинулъ тетрадь, учитель разсердился; едва уладили дѣло.

Въ 1845 г. Ешевскій перешелъ въ VII классъ, а я, оставивъ институтъ, былъ переведенъ отцомъ въ гимназію. Здѣсь мы были почти неразлучны: вмѣстѣ ходили по коридору гимназіи; сходились по вечерамъ, то у него, то у меня, то въ знакомыхъ семействахъ и преимущественно въ одномъ, гдѣ радушно принимали гимназистовъ потому, что дѣти были тоже въ гимназіи. Много мы толковали въ это время и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (страшное сопоставленіе, возможное только въ молодые года), я бредилъ Жоржъ Зандомъ. Ешевскій мало вѣрилъ первому, никогда не читалъ второго; впрочемъ, начиналъ сдаваться третьей; въ университетскіе годы онъ много читалъ ея романовъ и горячо заступался за нихъ. Его занятія были серьезнѣе моихъ: я весь предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ Занда, Гюго, Гёте; а онъ предпочиталъ чтеніе историческое: такъ я знаю, что въ эту пору онъ прочелъ Баранта: „Histoire des ducs de Bourgogne“ и готовилъ къ акту свое сочиненіе: „О пребываніи Петра Великаго въ Нижнемъ“, которое сначала прочитано было на литературной бесѣдѣ, потомъ на актѣ и, наконецъ, напечатано въ „Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ“. Сочиненіе это, написанное подъ руководствомъ П. И. Мельникова, показало направленіе молодого автора: простота изложенія посреди господствующей въ гимназіяхъ и даже въ литературѣ—дѣло было въ 40-хъ годахъ—витіеватости, добросовѣстное пользованіе всѣмъ, что было указано, ясно говорили, что авторъ не остановится на полпути. Литературныя бесѣды, на одной изъ которыхъ прочитано это сочиненіе, введены были переведеннымъ незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Каждый мѣсяцъ назначалась такая бесѣда, и для нея одинъ изъ учениковъ VI и VII классовъ долженъ былъ приготовить сочиненіе; сочиненіе это читалось въ присутствіи другихъ учениковъ и всего гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ диспутъ, записанный учителемъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ, посылался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности; отчеты профессора о достоинствахъ присылаемыхъ отовсюду сочиненій печатались въ „Начальственныхъ распоря-